

ДИСКУССИИ

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Н. Б. ГОЛИКОВА

Одним из важных вопросов, входящих в сложную проблему генезиса капитализма в России, является вопрос о наемном труде, его характере, распространении, роли и месте в процессе производства. Дело в том, что наемный труд существовал в условиях русского феодального общества многие столетия, но сам факт его существования еще не означал наличия буржуазных связей. Долгое время он не только не играл заметной роли в системе феодальной эксплуатации, но и являлся при общем господстве феодальных отношений одним из средств закрепощения народных масс. В связи с этим при решении вопроса о времени зарождения капиталистических отношений весьма важно уловить, когда же еще в рамках феодального общества наступает переломный момент в истории наемного труда. Показателем этого перелома является, в частности, не только рост числа лиц, работающих по найму, но и формирование постоянных кадров наемных работников.

Образование постоянных кадров наемных работников в период генезиса капитализма стоит в прямой связи с расслоением не только городского, но, в первую очередь, сельского населения, так как лишь потеря непосредственными производителями средств производства вынуждает их существовать систематической продажей рабочей силы. Поэтому не менее важно выяснить источники формирования категории рабочих людей, а также проследить их судьбы и установить, насколько прочен был переход в число наемных работников лиц из других сословий, главным образом крестьянства.

Изучение процесса социально-экономического развития огромного Русского государства XVII—XVIII вв. чрезвычайно усложняется своеобразием обстановки и различием условий, присущих его отдельным областям. В связи с этим выяснение общих закономерностей и окончательное решение многих важных исторических проблем, в том числе и вопроса об эволюции наемного труда, предполагает детальное изучение положения, складывавшегося в разных районах страны. В данной статье рассматриваются некоторые особенности процесса формирования категории рабочих людей в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. Выбор этого района определился тем, что Поволжье уже в начале XVII в. являлось одним из самых крупных в России рынков рабочей силы. Потребность в наемном труде носила там устойчивый характер, а поэтому выяснение социального состава наемных работников и их судеб представляет большой интерес.

Район Поволжья привлекал внимание историков еще в XIX в. Но начало более детальному исследованию социально-экономического развития этого района и проблемы наемного труда положили лишь советские ученые. Из их трудов в первую очередь следует отметить исследования А. В. Пруссак, И. В. Степанова и Н. А. Баклановой¹.

¹ А. В. Пруссак. Рабочие на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке. «Исторический сборник», Л., 1934, № 2; Его же. К вопросу о вольнонаемном труде на заводах Петровского времени. «Исторические записки», т. 7; И. В. Степанов. Хозяй-

Эти авторы пришли к важному выводу о значительном распространении наемного труда на водном транспорте и промыслах Нижнего Поволжья в XVII в. И. В. Степанов первым из советских историков сделал попытку выяснить социальный состав категории «гулящих людей» и показал, что в основной массе это были лица, занятые работой по найму. Им же был поставлен вопрос и о характере найма в Поволжье, причем анализируя порядные записи XVII в., он пришел к выводу, что условия найма придавали ему феодальные черты². Ученые, интересовавшиеся более поздним временем, как правило, сосредотачивали свое внимание на второй половине XVIII и XIX вв. Таковы в частности, работы Н. Р. Романова и С. И. Архангельского³.

Исследований, специально затрагивающих проблему наемного труда в Поволжье в первой четверти XVIII в., очень мало. М. Я. Волков, рассматривая условия найма в Ярославле, пришел к выводу, что в 20-х годах XVIII в. при долгосрочном найме складывались условия, способствующие закабалению наймитов, а для краткосрочного найма были характерны формы, типичные для капиталистических отношений⁴. В. В. Димитриев на основании изучения чебоксарских материалов, как и И. В. Степанов, пришел к выводу, что наемный труд в Поволжье носил феодальный характер⁵.

Вопрос о характере найма в России XVII—XVIII вв. вообще вызывал и вызывает среди советских историков большие споры.

Автор не берет на себя смелость распространять полученные выводы, касающиеся развития наемного труда в городах Поволжья в первой четверти XVIII в., на территорию всего Русского государства, надеясь лишь, что собранный локальный материал несколько поможет дальнейшей разработке этой важной темы и будет небесполезен в дискуссии о расслоении крестьянства.

Статья основана, главным образом, на архивных материалах. Из них прежде всего следует отметить документацию, отложившуюся в ходе первой ревизии 1719—1727 гг. Наибольший интерес для данной темы представили так называемые «сказки» населения городов Поволжья, относящиеся к 1722—1724 гг., в первую очередь лиц, работавших по найму или являвшихся наемными работниками в прошлом. Ценность этих сказок заключается в том, что они дают возможность познакомиться с биографиями наемных работников разных профессий и выяснить, как складывались их судьбы⁶. В частности, использовались книги ревизских сказок по Астрахани, Казани, Н.-Новгороду, Саратову, Красному Яру и другим городам Поволжья.

Книг ревизских сказок жителей городов Поволжья сохранилось довольно много, но тем не менее они дошли до нас далеко не полностью. Ценным дополнением к сказкам городских жителей явились сказки крестьян разных уездов, обнаруженных при переписи в приволжских городах и подлежащих отправке назад в деревню. Большинство из них работало по найму, и сказки их рисуют типичного для феодального общества наемного работника, находившегося одновременно в крепостной зависимости.

ственная деятельность Московского правительства в Н. Поволжье в XVII в. «УЗ ЛГУ», 1939, вып. 5; Его же. Организация соляных промыслов в низовьях р. Волги в XVII в. Там же. 1941, вып. 8; Его же. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. Там же, 1949, вып. 4; Его же. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки», т. 36; Его же. Работные люди Поволжья в XVII в. (К вопросу о характере найма). В кн. «Вопросы генезиса капитализма в России», Л., 1960; Н. А. Бакланова. Судовые работники в предприятиях Калмыковых. Сб. «О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.», М., 1959; Е. же. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во II половине XVII в., М., 1959.

² И. В. Степанов. Работные люди Поволжья. В кн. «Вопросы генезиса капитализма в России», стр. 108.

³ Н. Р. Романов. Очерки по истории бурлачества в XVIII и I половине XIX в. «Записки Научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории Чувашской АССР», Чебоксары, 1940, вып. 2; С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата в Н.-Новгороде и Ниж. области в XVII—XIX вв., Горький, 1950.

⁴ М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII века. «Доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 1, стр. 83.

⁵ В. В. Димитриев. История Чувашии XVIII в., Чебоксары, 1959.

⁶ Подробную характеристику материалов I ревизии как исторического источника можно найти в статье М. Я. Волкова «Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России первой четверти XVIII века». «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963.

Из материалов первой ревизии важным источником явились также документы по учету работников речных судов, составлявшиеся в так называемых «канцеляриях переписи работных людей на судах», существовавших в Казани, Н.-Новгороде и Балахне. В частности, использованы три книги росписей судовых работников Нижегородской канцелярии за 1722 г. К сожалению, они сохранились не за всю навигацию, а только за периоды: с 19 июля по 1 августа, с 16 августа по 1 сентября и с 1 октября по 16 ноября⁷. Большим достоинством росписей судовых работников является компактность содержащегося в них материала. В то время как «сказки» работных людей вкраплены среди «сказок» других жителей города, процесс их выявления весьма трудоемок и порой дает ничтожные результаты, росписи позволяют сразу получить данные о социальной принадлежности, возрасте и стаже большого количества работных людей.

Помимо документов первой ревизии, в статье использовались материалы фондов крепостных контор, главным образом регистрационные книги, куда заносились записи о найме работных людей и жилые записи⁸. Количество книг крепостных контор приволжских городов, относящихся к первой четверти XVIII в., довольно значительно. К сожалению, в большинстве случаев они сохранились по отдельным городам за разные годы, часто не полностью, а лишь за некоторые месяцы. В данной статье использовались крепостные книги Астрахани, Казани и Сызрани за 1720-е годы.

Кроме указанных основных источников, привлекались разнообразные документы из разных архивных фондов, касавшиеся работных людей: поручные записи, челобитные, следственные дела и др.

Основная масса названных источников хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве, частично использовались материалы архива Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ) и Государственного архива Астраханской области (ГААО).

* * *

В первой четверти XVIII в. Поволжье играло в жизни Русского государства весьма важную роль. Характерной особенностью Поволжья было быстрое развитие городской жизни. Удобное местоположение, оживленное торговое движение, наличие сырьевых ресурсов и возможность эксплуатации богатых промысловых угодий стимулировали рост городских посадов, население которых непрерывно увеличивалось. Но сами города Поволжья значительно отличались друг от друга. Верхневолжские города — такие, как Ярославль, Углич, Кострома, Н.-Новгород, многие из которых были когда-то центрами феодальных княжеств, издавна являлись местами сосредоточения ремесленников. Особенно широкое развитие получили в них такие ремесла, как кожевенное, железоделательное, обработка льна, мыловарение.

Города Среднего Поволжья, хотя плотность населения в этом районе была значительно ниже, благодаря близости к Волге также были довольно оживленными. В Казани получило развитие кожевенное дело и мельничное производство. В первой четверти XVIII в. там были суконная мануфактура и адмиралтейство. Симбирск являлся центром хлебной торговли.

Главную роль в экономике городов Нижнего Поволжья играли промыслы. Соль, рыба и рыбпродукты доставлялись оттуда во многие «верховые города». Теплый климат способствовал развитию там виноградарства и бахчеводства. Первое место среди городов Нижнего Поволжья занимала Астрахань, являвшаяся главным юго-восточным портом Русского государства и центром, к которому тяготели важнейшие рыбные и соляные промыслы. Значительного развития достигли там и различные виды ремесла.

В 1721 г., когда согласно регламенту Главного магистрата было введено деление городов на разряды, волжские города Ярославль, Н.-Новгород, Казань и Астрахань были отнесены к числу перворазрядных, так как в них насчитывалось от 2 до 3 тыс.

⁷ ЦГАДА, ф. 350, кн. 2094, 2095, 2096.

⁸ Об особенностях документации крепостных контор см. статью Г. Д. Капустиной «Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (I четверть XVIII века)». «Проблемы источниковедения», т. VII.

посадских дворов⁹. Торгово-промышленная деятельность в Поволжье осуществлялась, главным образом, представителями гостинной сотни, посадскими людьми разных городов и крестьянами. Все они были вынуждены прибегать к использованию наемного труда. В условиях быстрого развития торговли, промыслов, мелкотоварного производства и водного транспорта, обеспечивавшего перевозку грузов, потребность в наемной рабочей силе была в Поволжье очень велика.

Лица, жившие работой по найму, имелись во всех приволжских городах, но особенно много скопилось их в наиболее крупных торгово-ремесленных и промысловых центрах. В 1724 г. Астраханская крепостная контора зафиксировала наем 2291 человека. Кроме того по ревизским сказкам и ведомостям переписной канцелярии того же года удалось выявить еще 413 работавших по найму лиц. Таким образом, по неполным данным, так как ревизские сказки сохранились по Астрахани лишь частично, количество наемных работников равнялось там в 1724 г. минимум 2704 человек¹⁰. В 1725 г., по данным Астраханской крепостной конторы, там было 2986 рабочих людей¹¹.

Большое количество наемных работников имелось и в других приволжских городах. Так, Казанская крепостная контора только за январь — март 1720 г. зарегистрировала наем 339 человек, Сызранская крепостная контора в 1725 г. — 676, Ярославская в 1727 г. — 2280 человек¹². Большое количество работавших по найму имелось и в Н.-Новгороде. При проведении первой ревизии в одной лишь дворцовой Благовещенской слободе таких было обнаружено 53 человека. Только у торговых посадских людей по отрывочным данным числилось в 1721 г. 61 работник, в 1722 г. — 94, в 1724 г. — 122 работника¹³.

Известное представление о количестве рабочих людей, скопившихся в городах Поволжья, дают также данные учета судебных работников. Так, по записям Нижегородской канцелярии на 471 судне, прошедшем через Н.-Новгород за 2,5 месяца, было обнаружено 11 119 человек, нанимавшихся на эти суда в разных приволжских городах¹⁴.

Приведенные цифры не точны как в силу состояния источников, так и в связи с тем, что далеко не все случаи найма оформлялись официальной записью. Значительная часть работников нанималась без всяких записей, а также по понедельно и подневно. Кроме того, часть работала по записям, оформленным в предшествующие годы. Тем не менее названные цифры позволяют утверждать, что наемные работники составляли значительный процент населения приволжских городов и играли важную роль в их жизни.

Из каких сословий выходили рабочие люди? Данные учета судебных работников, производившегося в 1722 г. в Н.-Новгороде¹⁵, позволили составить следующую таблицу (см. табл. 1).

Как видно из приведенных в таблице данных, 77,2% работников речных судов составляли крестьяне, 17,5% — посадские люди, 2,1% — городовые бобыли и 3,2% — прочие. При этом 136 человек из числа прочих (ямские охотники, дворовые люди, приписной ремесленник) были юридически зависимыми лицами. Таким образом, свободные лица в количестве 218 человек составляли всего 1,9% судебных работников¹⁶. Весьма показательно, что количество дворян, духовенства и детей духовенства, а также бывших приказных служителей и их детей было ничтожно, всего 0,2%.

Интересные сведения о социальном составе рабочих людей дают и другие источники. Так, по данным ревизских сказок и записей крепостных контор удалось выявить социальную принадлежность 222 человек, работавших по найму в Сызрани, 339 чело-

⁹ ПСЗ, т. VI, № 3708, гл. V.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 615, д. 525, 526; ф. 350, д. 147, 2162, лл. 396—416, 5465, 5549.

¹¹ ЦГАДА, ф. 615, д. 528, 529.

¹² Там же, д. 3530, 11127; М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII в., стр. 81.

¹³ ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 408—409, 472—473, 476.

¹⁴ Там же, д. 2094, 2095, 2096. Здесь и далее крепостные, дворовые люди владельцев судов, приказчики и лица, встречающиеся повторно, при подсчете исключались.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В отношении этих 218 человек могут быть сделаны оговорки. Так, в их число включены лица, не назвавшие своих отцов. Они могли быть выходцами из крестьянской или посадской среды.

ТАБЛИЦА 1

Социальный состав рабочих людей, работавших на речных судах в 1722 г.

Даты записей	Всего рабочих людей	Из них крестьян						Посадских	Городовых бобылей	Прочих		
		Всего	В том числе:							Всего	В том числе:	
			помещичьих	монашеских	дворянских	государственных	не указано				духовенства и их детей	дворян
С 19 июля по 1 августа	4251	3051	1315	641	926	169	—	1062	22	116	9	1
С 16 августа по 1 сентября	3399	2815	1466	471	803	75	—	457	39	88	5	—
С 1 октября по 31 октября	2059	1614	678	395	458	76	7	271	95	79	8	—
С 1 ноября по 16 ноября	1410	1113	486	239	276	80	32	153	73	71	—	—
Итого:	11 119	8593	3945	1746	2463	400	39	1943	229	354	22	1

век, работавших в Казани, 1352 человека, работавших в Астрахани, и 48 работников Ахтубинских селитренных заводов¹⁷. На основании этих данных составлена следующая сводная таблица, в которую включены и данные М. Я. Волкова по Ярославлю¹⁸ (см. табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

Годы	Город	Всего рабочих людей	В том числе:			
			крестьян	посадских людей	городовых бобылей	прочих
1720	Казань	339	170		60	109
1723	Ахтубинский селитр. з-д	48	32	7	4	5
1724—1725	Астрахань	1352	735	276	101	240
1725	Сызрань	222	154	38	—	30
1727	Ярославль	2280	1705			

Приведенные данные свидетельствуют, что во всех городах Поволжья основную массу лиц, работавших по найму, составляли крестьяне (прежде всего — помещичьи), а второе место занимали выходцы из посада и городовые бобыли¹⁹.

Территория, с которой стекались в Поволжье рабочие люди, была весьма обширной. Среди судовых работников, проходивших в 1722 г. регистрацию в Н.-Новгороде, оказались крестьяне 144 уездов, а посадские и бобыли — из 130 городов. По губерниям они распределялись так (см. табл. 3).

Из таблицы 3²⁰ видно, что половина работавших на судах крестьян пришла из трех приволжских губерний: Нижегородской, Казанской и Астраханской, причем наи-

¹⁷ ЦГАДА, ф. 350, д. 2162, 5465, 5548, 5549; ф. 615, д. 525, 526, 528, 529, 3530, 11127. К сожалению, в крепостных книгах социальная принадлежность наемных работников указывается не всегда. Так, если оформлялся наем к одному хозяину группы людей, то в записи давалась общая формула: нанимаются «разных городов, уездов и сел обыватели». Число таких записей довольно велико. Особенно часто они встречаются в астраханских крепостных книгах при оформлении найма на промыслы, речные и морские суда.

¹⁸ М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля..., стр. 81.

¹⁹ Довольно значительное число «прочих» в Астрахани объясняется тем, что среди наемных работников там встречались юртовские и ногайские татары (69 человек), лица, бежавшие из калмыцкого или ногайского плена (11), и выходцы из восточных стран (24). Среди остальных было: ямских охотников — 29, записных ремесленников — 10, дворовых людей — 2, отставных солдат и солдатских детей — 56, «вольных гулящих людей» — 4, отпущенных холопов — 8, новокрещенных — 1, церковнослужителей и их детей — 19, дворян — 1. Много татар встречалось и в Казани.

²⁰ Общие итоги этой таблицы с таблицей 1 не совпадают, так как в некоторых случаях место, откуда прибыли крестьяне и посадские люди, не удалось установить из-за испорченного текста книг.

большее число приходилось на долю Нижегородской губернии, вообще занимавшей по выходу крестьян первое место. Второе и третье место занимали наиболее развитые в социально-экономическом отношении Московская и Санкт-Петербургская губернии. И в том и в другом случае максимальное число выходцев из этих губерний дали провинции, расположенные в бассейне Волги и ее притоков²¹. Из Сибирской и Архангельской губерний приходили крестьяне, главным образом, Соликамской (410 человек), Вологодской и Великоустюжской (186 человек) провинций. Из Азовской губернии на Волгу шли в основном крестьяне Тамбовской и Шацкой провинции (334 человека).

ТАБЛИЦА 3

Губерния	Количество крестьян	В % к общему числу регистрируемых	Количество посадских людей и городских бобылей	В % к общему числу регистрируемых
Нижегородская	3406	39,7	341	15,7
Казанская	619	7,2	264	12,2
Астраханская	271	3,2	152	7
Московская	2346	27,4	430	20,0
Петербургская	698	8,2	430	20,0
Архангельская	303	3,5	59	2,7
Сибирская	465	5,4	168	7,7
Киевская	97	1,1	239	11,0
Азовская	362	4,2	75	3,4
Рижская	11	0,1	6	0,3
Итого:	8578	100	2164	100

Высокий процент крестьян из центральных уездов и уездов, расположенных в верхнем и частично среднем течении Волги, определялся не только близостью и удобными связями с ней, но и тем, что в этих уездах издавна была высокая плотность населения, а земли малоплодородные и весьма истощенные. Там постоянно собирались низкие урожаи, частым явлением были голодные годы. Кроме того, именно в этих районах получило наибольшее распространение помещичье, дворцовое и монастырское землевладение. Крестьянство там в полной мере испытывало тяжесть крепостнического гнета, и уход крестьян на Волгу был в таких условиях или прямым бегством или диктовался необходимостью дополнительного заработка.

На приток крестьян в Поволжье оказывала влияние и степень потребности в наемной силе внутри губерний, так как крестьяне-отходники прежде всего стремились найти заработок вблизи от дома. Вместе с тем Поволжье, благодаря постоянному спросу на рабочие руки, обладало большой притягательной силой, особенно для беглых людей, которых привлекала туда возможность не только найти работу, но и легко скрыться от своих владельцев, затерявшись в пестрой и многочисленной массе рабочих людей.

Что касается посадских людей и городских бобылей, то большинство среди них составляли выходцы из наиболее крупных и развитых городов центра — таких, как Москва, Тула, Калуга, и городов, расположенных в непосредственной близости к Волге.

Изучение состава рабочих людей Поволжья показывает, что их основная масса состояла из лиц, являвшихся для приволжских городов «пришлыми», так как не только крестьяне, но и посадские люди работали по найму не в тех городах, к которым были приписаны. В Астрахани, например, в 1724 г. из 2291 работника местных жителей, считая юртовских татар, армян и бухарцев, было всего 50 человек, а в 1725 г. — 90 из 2986. В Казани в 1720 г. из 339 наемных работников местных жителей оказалось 20, в Сызрани в 1720 г. из 676 человек — 20, а в Ярославле в 1727 г. — 485 из 2880²².

²¹ Владимирская — 993 человека, Переяславль-Рязанская — 488, Московская — 345, Костромская и Суздальская — 315, Ярославская — 273, Белозерская — 151, Пешехонская — 138.

²² ЦГАДА, ф. 615, д. 525, 526, 528, 529, 3530; М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля..., стр. 81.

Ознакомление со сказками «пришлых людей» — крестьян, посадских, бобылей и других лиц позволяет сделать вывод, что в массе они принадлежали или к числу так называемых «гулящих людей», или к числу крестьян-отходников.

В исторической литературе всех крестьян-отходников иногда относят к «гулящим людям». Так, И. В. Степанов делает это на том основании, что они во время отхода свободно меняли место жительства²³. Но согласиться с этой точкой зрения трудно. Дело в том, что «гулящими людьми» считались только лица, не несшие ни тягла, ни повинностей, ни служебных обязанностей. Именно свобода от тягла лежала в основе официального юридического представления о «гулящем человеке» как лице, не связанном никакими обязательствами. Поэтому их беспрепятственно зачисляли по их желанию в число крестьян, в посад или в стрельцы. Отсюда проистекала для них и возможность свободного передвижения, которой они пользовались, впрочем, далеко не всегда. Множество «гулящих людей» постоянно жило на одном месте, имея собственные дворы и хозяйство. В Астрахани, например, как удалось выяснить по ревизским сказкам, владели дворами и жили там длительное время (от 5 до 60 лет) 111 из 150 «гулящих людей»²⁴.

Лица зависимые превращались в «гулящих людей» только в том случае, если переставали нести повинности, связанные с крестьянским или посадским тяглом. Обычно это сопровождалось полным или очень длительным, многолетним разрывом всяких связей с прежней общиной. Большинство крестьян, посадских, бобылей и других зависимых лиц становились «гулящими людьми» в результате побега, когда явочным порядком переставали нести тягло и в силу своего положения не могли сохранять связи с домом²⁵. Крестьяне же отходники, т. е. лица, уходившие на заработки с разрешения владельцев или сельских старост, периодически возвращавшиеся в деревню и продолжавшие нести крестьянские повинности в виде оброка, имели совершенно иное социальное лицо.

Не следует ставить знак равенства и между «гулящими» и «пришлыми» людьми. Понятие «пришлые люди», судя по практике переписных канцелярий, было собирательным, означая различных лиц, не являвшихся коренными жителями данного места. Этот термин не имел ярко выраженной социальной окраски и мог с одинаковым успехом применяться и в отношении «гулящих людей» и в отношении отставных солдат, крестьян-отходников и других лиц. «Гулящие люди», таким образом, входили в число «пришлых» как их составная часть так же, как и крестьяне-отходники.

Точно установить, какое количество «гулящих людей» имелось среди «пришлого» населения приволжских городов, трудно. Но можно с уверенностью сказать, что беглые люди занимали среди них одно из первых мест. Так, из 46 крестьян, опрошенных в марте 1724 г., в Астрахани имели отпускные письма от помещиков только два человека. Остальные показали, что никаких оброков своим помещикам не платят, а 31 из них откровенно признались, что «съехали» из оных своих жилищ в Астрахань без пашпорту²⁶. Из 84 человек, дававших сказки в Н.-Новгороде, 74 показали, что ушли на Волгу самовольно, четверо пытались утверждать, что были отпущены, но «покормежных писем» предъявить не смогли, и лишь 6 человек имели отпускные письма на определенные сроки. Из 30 человек, допрашивавшихся в Казани, самовольно ушли от тягла 27²⁷. Таким образом, преобладающее большинство опрошенных относилось к числу «гулящих людей».

Присутствие среди «гулящих людей» большого количества беглых и, в первую очередь, крестьян не было тайной для правительства. Об этом свидетельствуют многие

²³ И. В. Степанов. Гулящие — рабочие люди Поволжья в XVII веке, стр. 146.

²⁴ ЦГАДА, ф. 350, д. 5465, 5549.

²⁵ В «гулящих людях» превращались также дети-сироты, которых родственники или владельцы, не желая содержать, отправляли «кормиться в миру». Обычно они не возвращались назад. Ими часто становились и младшие члены крестьянских семей, не несшие, при системе подворной подати, ответственности за тягло, уходившие и не возвращавшиеся. Но, с юридической точки зрения того времени, они в этом случае также становились беглыми.

²⁶ ГААО, ф. Астр. губ. канцелярии, оп. 1, д. 64, лл. 1—191; ЦГАДА, ф. 350, д. 147, лл. 60—60об., 67, 107; д. 5549, лл. 565—566об., 801, 896.

²⁷ ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 217—218, 230—231, 288—293; д. 4885, лл. 1—325; д. 1224, лл. 10, 28, 30, 37, 39, 54, 59 и др.

указы и производившиеся время от времени сыски беглых. В известной связи с этим стоит и то новое отношение к «гулящим людям», которое появляется в первой четверти XVIII в. Если в середине XVII в. правительство еще не видело в них враждебного элемента и даже включило в Уложение 1649 г. статью о взыскании рублевого штрафа за бесчестие «гулящего человека»²⁸, то к первой четверти XVIII в. они как лица, не имеющие никаких обязанностей ни перед государством, ни перед помещиками, начинают рассматриваться как паразитическая группа населения, вредная и подлежащая уничтожению. Официальные представления о «гулящих» связываются теперь с понятием о человеке не работающем, праздношатающемся, воре, бродяге, нищем. Особенно четко это прослеживается по законодательству конца первой четверти XVIII в. Так, в указе о переписи отпущенных на волю дворовых людей предписывалось наблюдать, чтобы «никто из них в гулящих не были... без служеб бы никто не шатались, понеже от таких умножаются воровства»²⁹. Аналогичное отношение к «гулящим» звучит и в указе о переписи безместных церковнослужителей и в наказе московскому обер-полицмейстеру Грекову. В последнем прямо предписывалось: «понеже по улицам и переулкам является много гулящих сланяющихся людей... того ради таких непотребных людей во всех вышеозначенных местах осматривать и где такие найдутся или на улицах и в переулках шататься будут, ловить...» В том же наказе предлагалось объявить всем жителям Москвы, под угрозой штрафа, чтобы они «гулящих людей в дома к себе... ночевать не пускали... Также в работу без поручных записей отнюдь не наймывали»³⁰.

Причины, вынуждавшие крестьян, посадских и других лиц бежать в города Поволжья, были различны. Уходили от безземелья, от рекрутских наборов, от преследований помещиков и старост, уходили просто не желая нести тягло, но чаще всего — «от скудости» и «от голода»³¹.

Ознакомление с ревизскими сказками «гулящих людей» показывает, что контроль за ними был в городах Поволжья очень слаб. Местная администрация, испытывая постоянную нужду в людях, несмотря на многочисленные указы правительства, особой инициативы в сыске беглых не проявляла. Более того, прикрываясь компромиссным характером отдельных законодательных актов³², она постоянно черпала в их среде пополнение для местных посадов и гарнизонов³³. Слабость контроля со стороны городской администрации способствовала тому, что и посадские люди, нуждаясь в рабочей силе, охотно, невзирая на указы, нанимали крестьян, хотя они и не имели никаких «отпусковых писем»³⁴. Таким образом, в Поволжье несомненно ощущался «вольный воздух города», и это способствовало притоку туда беглых «гулящих людей». В 20-х годах XVIII в. в бегах официально числилось до 200 тыс. человек. Часть из них несомненно осела в городах Поволжья как «гулящие люди».

²⁸ ПСЗ, т. I, № 1, гл. X, ст. 94.

²⁹ ПСЗ, т. VI, № 4023.

³⁰ ПСЗ, т. VI, № 4035, 4047.

³¹ ЦГАДА, ф. 350, д. 4885, лл. 129—130, 138—138об., 315; д. 5548, лл. 3—4об., 6об., 10, 11, 13, 14об., 17об., 19—24об., 27—28; д. 4885, лл. 39, 89, 99, 105, 109—111, 138, 149, 159 и др.

³² А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во II половине XVII века, М.—Л., 1962, стр. 319—321.

³³ Большой процент «гулящие люди» из числа беглых крестьян составляли даже среди пришлого населения мелких приволжских городков, хотя количество жителей в них было невелико, и обнаружить там беглых не представляло никакого труда. Так, в г. Красном Яре, например, 20 беглых людей, в том числе 16 крестьян, беспрепятственно жили в течение 10—60 лет. Пятеро из них были со времен включены в число местных городских бобылей (ЦГАДА, ф. 350, д. 5466, лл. 237—241, 244, 249—250, 263, 264, 270, 273, 282—283, 287, 289—290, 298, 301, 303, 305, 307). В городе Ядрине из 100 живших там беглых лиц 18 были записаны в посад, 12 в городовые бобыли, двое служили в административных органах. Остальные также никем не преследовались в течение многих лет (ЦГАДА, ф. 350, д. 2101, лл. 283—297, 420—429).

³⁴ Нижегородский купец Я. Пушников, например, в течение 11 лет держал у себя без «покормежного письма» и «без порук» крестьянина с. Мурашкино В. Пилепенкина, крестьянина И. Смирнова и др. Держали таких же крестьян нижегородцы Н. Шадрин, П. Прядильщиков, сызранцы Шапошников, Семибратенков (ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 289—291; ф. 615, д. 11127, лл. 30об.—31). Подобные примеры не единичны.

Если беглые крестьяне, посадские люди и городовые бобыли занимали среди наемных работников Поволжья одно из первых мест, то вторую крупную группу составляли крестьяне-отходники. В их среде выделялись лица, состоящие на постоянном оброке, которые обычно имели «отпускные письма» на длительный срок, а иногда и бессрочные. Но таких среди работных людей было немного. Они чаще встречались в числе крестьян, имевших возможность вести собственное дело, которые занимались в городах торговлей, подрядными операциями, перевозками грузов или промыслами. Крестьяне-отходники, работавшие по найму, получали долгосрочные отпуска только в том случае, если имели определенную и достаточно высокую квалификацию, как, например, кормишки или знавшие ремесло и нанимавшиеся в ремесленные заведения³⁵. Основная же масса крестьян-отходников имела краткосрочные «отпускные письма»³⁶, обычно на несколько месяцев и работала, главным образом, на разного рода сезонных работах.

Что касается работавших по найму свободных лиц, то основную массу среди них составляли отставные солдаты и солдатские дети, не имевшие других средств к существованию.

Подводя итоги исследованию социального состава работных людей Поволжья, следует отметить, что он был весьма пестрым. Эта пестрота проявлялась не только в разной социальной принадлежности отдельных лиц, но и в их положении, в зависимости от которого определялось и их отношение к работе по найму. Для людей «гуляющих» — отставных солдат и других подобных лиц работа по найму, часто в течение долгих лет, была главным источником существования. Для крестьян-отходников, сохранявших связь с крестьянским хозяйством, работа по найму не всегда была основным занятием. Многие из них видели в ней лишь дополнительную возможность восполнить недостаток своих крестьянских доходов. Первые, как правило, составляли основной источник пополнения городского населения. Вторые были для города людьми случайными и, за редким исключением, возвращались в деревню.

* * *

В ревизских сказках лица, работавшие по найму, на вопрос об их занятиях отвечали обычно весьма лаконично, что «кормятся работою своею по разным местам»³⁷. Но среди них были лица разных специальностей и различной квалификации. Основная масса работных людей находила себе работу на речном транспорте. В первой четверти XVIII в., по подсчетам М. Я. Волкова, за одну навигацию мимо Н.-Новгорода проходило на судах примерно 40—50 тыс. человек³⁸. Особую группу работников транспорта составляли так называемые музурь, обслуживавшие морские суда, которые курсировали между Астраханью и портами Каспийского побережья. К транспортным работникам относились и извозчики, обычно крестьяне, нанимавшиеся перевозить на своих лошадях грузы из приволжских городов в центр. Большое количество работных людей занималось на рыбные промыслы³⁹. В низовых городах имела значительная группа лиц, работавших в садах, бахчах и виноградниках, а также на обработке табака. Во всех городах имелись лица, работавшие по найму в городских мануфактурах и ремесленных заведениях, а также в торговле. Крупную группу составляли так называемые «домашние работники», выполнявшие самый разнообразный комплекс работ. И, наконец, в каждом городе имелось значительное количество людей, занятых подневной работой.

Условия найма для разных категорий работников слагались различно, определялись спецификой самого вида труда, степенью квалификации и конъюнктурой, склады-

³⁵ ЦГАДА, ф. 350, д. 4885, лл. 124—125; д. 5549, л. 116; ф. 615, д. 525, л. 103 об.; ГААО, ф. Астр. губ. канцелярии, оп. 1, д. 62, записи 25 и др.

³⁶ Примером может служить «отпускное письмо», выданное алаторским помещиком В. Климентьевым своему крестьянину С. Иванову с женой, которым разрешалось «поработать всякую работу» с 29 апреля по 1 сентября 1723 г. («Материалы исторические и юридические районов быв. приказа Казанского Дворца», т. I, Казань, 1882, стр. 228).

³⁷ Выражение «по разным местам» переводится иногда как переход из города в город, но чаще оно означает перемену места работы, а не местопребывания.

³⁸ М. Я. Волков. Материалы первой ревизии..., стр. 299.

³⁹ На соляные промыслы по добыче самосадочной соли специального найма не производилось. Солепромышленники использовали на добыче соли своих судовых работных людей.

вавшейся на местном рынке рабочей силы. Осветить этот вопрос даже кратко в небольшой статье не представляется возможным. Чтобы дать некоторое представление хотя бы о денежной оплате их труда, приведем данные относительно отдельных категорий работных людей. Так, судя по записям астраханской крепостной конторы за 1724—1725 гг.⁴⁰, денежная оплата труда разного рода работных людей колебалась в Астрахани в следующих пределах (см. табл. 4).

ТАБЛИЦА 4

Заработок за год или за сезон (9—11 месяцев) в руб.	Количество человек							
	Музуры	Работники мелких рыбных промыслов		Огородные работники	Работники ремесленных заведений		Домашние работники	Итого
		кормщики	гребцы		пищевых	прочих		
от 15 до 18	—	—	—	—	4	1	—	5
от 13 до 15	31	—	—	10	15	3	2	61
от 11 до 13	100	11	—	19	19	3	8	160
от 9 до 11	24	38	50	48	35	12	20	227
от 7 до 9	40	10	95	28	15	8	26	222
от 5 до 7	—	—	—	7	2	7	29	45
от 1 до 5	—	—	1	1	1	2	28	33
за пищу и одежду	—	—	—	—	—	—	8	8
Итого:	195	59	146	113	91	36	121	761

Как видно из таблицы, годовой заработок основной массы астраханских работных людей равнялся 7—13 руб. Таким же был и средний заработок большинства работников речных судов⁴¹. В других городах заработки были ниже. В Казани, например, судя по записям крепостной конторы за 1720 г., вырисовывается следующая картина (см. табл. 5).

ТАБЛИЦА 5

Годичный заработок (в руб.)	Количество человек, работавших							Итого
	на мельницах	на винокуренных заводах	у ремесленников	лавочными сидельцами	сторожами	домашними работниками	на сельских работах	
11—13	—	—	—	—	—	1	—	1
9—11	—	—	2	1	—	—	—	3
7—9	—	—	—	1	—	3	—	4
5—7	1	—	2	—	3	9	—	15
1—5	7	5	—	11	5	77	34	139
Менее рубля	—	—	—	—	—	4	1	5
За пищу и одежду	—	—	—	2	—	10	2	14
Итого	8	5	4	15	8	104	37	181

Здесь, как видно из таблицы, основная масса работных людей зарабатывала от 1 до 7 руб. в год. Зарботок женщин и детей был еще ниже⁴².

При рассмотрении процесса формирования кадров работных людей в первой четверти XVIII в. нельзя не коснуться вопроса об их дальнейших судьбах. Оставались ли они и их дети работными людьми или входили в состав других категорий русского общества? Другими словами, складывался ли в этот период класс лиц, полностью оторванных от средств производства и живущих продажей рабочей силы, или этот

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 615, д. 525, 526, 528, 529.

⁴¹ Работники речных судов обычно нанимались на рейс. Годовая оплата их труда складывалась из оплаты за ряд рейсов. Кроме того, в большинстве записей указывается оплата, установленная всей команде судна. Поэтому вычисление заработка отдельных лиц представляет большие трудности и, за редким исключением, определяется лишь приблизительно.

⁴² ЦГАДА, ф. 615, д. 3530. Как свидетельствуют данные о ценах, прожиточный минимум в Астрахани был несколько выше, чем в Казани, но ненамного.

процесс еще не принял резко выраженных очертаний? Решение данной проблемы наталкивается на многие трудности, так как источники не всегда позволяют проследить судьбу отдельных лиц. Но некоторые общие явления и закономерности все же прослеживаются.

Прежде всего выясняется, что среди работных людей Поволжья существовала очень большая текучесть. Большинство крестьян-отходников, приходивших в город на заработки, сохраняли прочные связи с крестьянским хозяйством и, как правило, проработав несколько сезонов или лет в городе, возвращались назад в деревню. На их место приходили другие, и на общей численности работных людей Поволжья уход таких крестьян не отражался. Но, поскольку они составляли значительный процент работавших по найму, то имела место постоянная смена большей части работных людей.

Тяга к земле и собственному хозяйству сохранялась и у «гулящих людей», особенно вышедших из крестьянской среды. Даже бежавшие от голода, гнета и насилий, они надеялись со временем вернуться в деревню. Интересные данные о настроениях бывших крестьян содержатся, в частности, в сказках работников Ахтубинского селитренного завода. При переписи населения этого завода в 1723 г. работникам задавался вопрос: хотят они, чтобы их приписали к заводу, или намерены вернуться на прежнее место жительства. Из 48 человек 20, т. е. 41,6%, ответили, что «вечно» на заводе быть не хотят и предпочитают, отработав срок найма, уйти в деревню. 11 из них проработали к этому времени на заводе от 5 до 9 лет и имели регулярный заработок, тогда как из деревни бежали «за скудостью», «понеже что стало быть пить и есть нечево»⁴³. Таким образом, несмотря на длительное отсутствие и уход без разрешения, за что можно было ждать наказания от помещика, они стремились вернуться назад.

Намерение возвратиться к занятиям сельским хозяйством многие «гулящие люди» осуществляли, или спустя много лет возвращаясь назад в родную деревню, или уходя к другим помещикам. Известная часть работных людей садилась на землю во вновь колонизируемых районах Поволжья и Заволжья⁴⁴. Часть «гулящих людей» возвращалась в деревню под нажимом со стороны своих помещиков, разыскивавших их в том или ином городе. Таким образом, текучесть среди работных людей усиливалась и за счет известного процента «гулящих людей», вновь сядившихся на землю.

Но наиболее интересна для нас судьба работных людей, оседавших в городе. Выше указывалось, что в Поволжье среди работавших по найму было много «гулящих людей», старые связи которых окончательно разрушились. Они жили в городах долгие годы, покупали там дворы, обзаводились семьями. Процесс поселения их в приволжских городах имел место уже в начале XVII в. Естественно, что к первой четверти XVIII в. они должны были дать значительное потомство. Но при изучении социального состава работных людей в этот период выясняется, что в их числе было очень мало лиц, называвших себя детьми работных людей. Это наводит на мысль, что масса оседавших в городе работных людей претерпевала какую-то эволюцию еще в пределах своей жизни.

При попытке выяснить по ревизским сказкам, как складывалась судьба работных людей, выяснилось, что значительное число их бросало работу по найму и включалось в число тяглых сословий в качестве посадских людей, городских бобылей или приписных ремесленников. Такая эволюция была особенно характерна для лиц, которые имели сравнительно высокий заработок и могли приобрести двор, а затем вложить часть своих средств в торговые операции или организацию собственного производства.

По сохранившимся ревизским сказкам астраханских посадских людей удалось установить, что с 1705 по 1724 г. в состав астраханского посада было включено 146 ра-

⁴³ ЦГАДА, ф. 350, д. 5548, лл. 3—38. Возможно это объяснилось нежеланием попасть в число приписных.

⁴⁴ Весьма показательны в данном случае судьбы крестьян О. И. Мокшанова и К. Иванова. О. И. Мокшанов, проработав ряд лет на речных судах, осел в Саратове и попал в состав городских бобылей. Но спустя 10 лет ушел из города в вотчину кн. А. Д. Меншикова и «всякие подати платил с другими ево крестьянами в равенстве» (ЦГАДА, ф. 350, д. 3054, л. 85). Крестьянин К. Иванов ушел из деревни «от скудости» в «малых летех» в Н.-Новгород, где женился на дочери стрельца, и прожил 20 лет, работая на речных судах. Однако затем он отправился в Симбирский уезд и записался в крестьяне вотчины царицы Екатерины Алексеевны. (ЦГАДА, ф. 350, д. 4885, лл. 47—48об.).

нее работавших по найму людей⁴⁵. Аналогичное явление имело место и в других городах. В Н.-Новгороде, например, в 1721 г. было записано в цехи 136 «пришлых людей», а в 1722 г. еще 201 ремесленник «из пришлых» с сыновьями, что составило 438 человек. Общее число их было, вероятно, гораздо больше, так как реестр 1722 г., как указано в его названии, был дополнительным⁴⁶. Многие из них, до того как завели торги и промыслы, работали по найму. Продолжительность работы по найму у таких лиц была обычно весьма длительной. Дворцовому крестьянину Московского уезда С. Федорову, например, удалось завести самостоятельную торговлю только после более чем 32-летней работы по найму. Торговцы М. С. Дубровин и И. Х. Сомовнин работали по найму, первый — девять, второй — двадцать лет⁴⁷.

К занятиям торговлей, промыслами или ремеслом работные люди переходили постепенно, какой-то период времени совмещая эти занятия с работой по найму. Так, Н. И. Огурцов, пришедший в Астрахань в 1697 г., работая на стругах и рыбных промыслах, начал торговать рыбой, а затем, скопив деньги, завел «извозный промысел» и работать по найму перестал. В 1717 г. он стал астраханским посадским человеком. Помещичий крестьянин Арзамасского уезда И. Бормот в течение 28 лет был рыбным ловцом на патриарших рыбных промыслах, одновременно торгуя рыбой, и лишь потом завел собственную рыболовецкую ватагу⁴⁸. Торговлю рыбой совмещали с работой по найму многие работники судов и рыбных промыслов. Их торговые явки можно встретить даже в таможенных книгах Макарьевской ярмарки⁴⁹. Другие начинали с мелкой ручной торговли, сначала торгуя эпизодически, а затем систематически, бросив работу по найму⁵⁰.

Работные люди, знавшие ремесло, которым с течением времени удавалось приобрести необходимые инструменты и материал, чаще всего начинали с выполнения мелких заказов на дому у заказчика. Положение их вначале напоминало положение поденных работников, так как работали они от случая к случаю. Живший в Астрахани уржумский бобыль Ф. Иванов, например, сообщил в своей сказке, что он «в разных местах по неделе и по две шил портное». Ярославцев М. Комаров, поселившийся в Симбирске, выполнял «понеделно» плотническую работу, а С. Поляков, прежде чем завел собственную мастерскую, «кормился сапожным мастерством по людям»⁵¹.

Многие из таких торговцев и ремесленников долго не имели собственных дворов и жили, снимая избы, клетки и углы у местных жителей. Но с течением времени большинство все же приобретало дворы и заводило собственную лавку или мастерскую. Из живших в Астрахани 146 работных людей, перешедших к занятиям ремеслом, имело дворы 140 человек⁵².

Входя в состав посадских общин, бывшие работные люди иногда примыкали к посадской верхушке, так как обладали значительными капиталами, имели собственные мастерские или лавки и пользовались, в свою очередь, наемным трудом. Но таких было немного. Большинство обладало небольшими оборотными средствами и входило в состав посадских низов. Некоторое представление об имущественном положении бывших работных людей, вошедших в состав астраханского посада, дает табл. 6.

Еще чаще, чем сами работные люди, включались в посад их дети. Так, из 431 астраханского посадского человека, сказки которых сохранились, 141 ремесленник и 182 торговца были детьми «пришлых людей», в большинстве случаев работавших по найму⁵³.

Среди астраханских ремесленников, в прошлом являвшихся работными людьми или детьми работных людей, удалось выявить представителей 18 специальностей, в том чис-

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 350, д. 5549, 5465; ГААО, ф. Астр. губ. канцелярии, оп. 1, д. 62.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 457—550, 586—608.

⁴⁷ Там же, д. 5465, лл. 21—22, 317; д. 5549, л. 406.

⁴⁸ Там же, д. 5465, л. 138.

⁴⁹ Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в., М., 1958, стр. 150.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 350, д. 5465, лл. 309, 315, 334.

⁵¹ Там же, д. 5549, л. 114об.; д. 4082, л. 51; д. 5465, л. 179.

⁵² Там же, д. 5465 и 5549; ГААО, ф. Астр. губ. канцелярии, оп. 1, д. 62, лл. 1—191.

⁵³ ЦГАДА, ф. 350, д. 5465, лл. 84, 154, 173, 183, 207, 449, и др.

ле сапожников 64, портных 32, шапочников 10, рукавичников 3, скорняков 3, сыромятников 2, кожевников 3, ткачей 1, кузнецов 5, медников 2, оловянных 1, свечников 1, серебряников 5, гребеночников 1, плотников 2, каменщиков 1, калашников 4, бочаров 1. Из лиц, занимавшихся торговлей, 23 продавали рыбу и рыбные изделия, 12 вели оптовую торговлю, трое торговали мясом, один овощами, девять имели «мелочный торг», один продавал кожи, один — холст и пестряди, один — сапожные изделия, двое владели харчевнями. Остальные сведения о своей торговой специальности в сказках не дали ⁵⁴.

Среди записанных в 1722 г. в нижегородские цехи ремесленников, между которыми также было много бывших работных людей и их детей, оказались представители сорока одной специальности: иконописцы (10), портные (56), шапочники (28), рукавичники (18), сапожники (26), чулочники (5), серебряники (24), котельники (5), медники (3), кузнецы (8), замочники (1), башмачники (1), красильщики (8), пряничники (1), хлебники (20), калашники (15), пирожники (11), харчевники (3), крупяники (12), маслоделы (11), мукосеи (5), рыбные ловцы (18), лодочники (6), столяры (3), плотники (5), прядильщики (62), сыромятники (5), кожевники (6), скорняки (5), овчинники (3), баранники (4), шорники (2), «мошенники» (4), оконшники (19), каменщики (2), пуговичники (2), свечники (4), золотари (9), квасники (1), «обратчики» (7) ⁵⁵.

Запись в посад часто происходила по инициативе самих работных людей. Просьбы об этом обычно исходили от лиц, у которых сложилось достаточно прочное материальное положение и которые были заинтересованы в том, чтобы закрепиться в городе, даже при условии несения посадского тягла. Запись в посад производилась и по распоряжениям правительства, чаще всего вызывавшимся какими-либо чрезвычайными обстоятельствами, как, например, чумные эпидемии, опустошавшие посадки нижеволжских городов. Кроме того, запись в посады производилась при переписях городского населения, имевших место в XVII и первой четверти XVIII вв. Указы о записи в посад могли явиться и следствием деятельности местных властей, заботившихся о росте городских доходов ⁵⁶. В ряде случаев указы о записи в посад появлялись в результате челобитных коренных жителей посадов, жаловавшихся на тяжесть служб и конкуренцию со стороны не входивших в состав посада людей ⁵⁷.

Если запись в посад производилась по указам правительства или местных властей, «тулящие люди» зачислялись туда часто против своего желания. Упоминания об этом встречаются во многих сказках. В качестве примера можно привести сказку зачисленного в астраханский посад работного человека С. Серебрякова, который заявил, что «живет он по разным местам, а своего дому не имеет, и кормитца он серебряного дела мастерством и по тому мастерству... написан он поневоле в цех, а в оном де цеху в Астрахани быть не желает» ⁵⁸.

Особенно ярко выражено стремление избежать записи в посад в челобитной каменщика И. Михайлова, поданной им в Астраханскую приказную палату в 1698 г. «В прошлых, государь, годех,— писал он,— после казанского пожарного времени прибрел я, сирота твой, для своего пожарного разорения в Астрахань и скитаюсь меж двор. А ныне,

ТАБЛИЦА 6

Капитал в руб.	Количество человек		
	торговцы	ремесленники	итого
2	—	1	1
3	2	—	2
4	1	1	2
5	10	4	14
6	8	3	11
10	31	7	38
15	1	—	1
20	27	1	28
30	5	2	7
40	3	—	3
50	7	1	8
60	2	—	2
100	6	—	6
300	5	—	5
600	1	—	1
	109	20	129 *

* Относительно 17 человек данных нет*

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 350, д. 5549, 5465; ГАОО, ф. Астр. губ. канцелярии, оп. 1, д. 62.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 586—608.

⁵⁶ ЛОИИ, ф. Астр. приказной палаты, карт. 92, д. 21, л. 1; ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 283—297, 420—429.

⁵⁷ ЛОИИ, ф. Астр. приказной палаты, карт. 92, д. 21, л. 1.

⁵⁸ ГАОО, ф. Астр. губ. канцелярии, оп. 1, д. 62, л. 3. Против желания был зачислен в посад и Е. Шорохов, который сначала «кормился работою», а затем стал печь и продавать хлеб. (ЦГАДА, ф. 350, д. 5465, л. 253).

государь, меня, сироту твоего, в Астрахани посащие люди, с детьми моими, притягивают в посад. А у меня, сироты твоего, торгу и никакова промыслу нет, только, государь, детишки мои, Стенька да Федька, работают в каменщиках... и от того каменного дела детишек моих волочат и притягивают в посад по многое время. Пожалуй меня... не вели, государь, меня сироту и детишек моих... притягивать в посад, а вели, государь, детишек моих приверстать в какой чин...»⁵⁹. Просьба И. Михайлова удовлетворена не была, и он, в конце концов, оказался в посаде.

Нежелание многих бывших работных людей быть в посаде объяснялось тем, что если хорошо обеспеченным из них это было выгодно, так как давало ряд преимуществ, то основную массу несение посадского тягла ставило в затруднительное положение, и они предпочитали оставаться в разряде «гулящих людей».

Если более или менее высокооплачиваемые работные люди, проработав ряд лет по найму, вливались в состав городских посадов, то работные люди, имевшие средний достаток, чаще попадали в число городских бобылей. Категория городских бобылей охватывала наименее обеспеченную часть городского населения, которое не могло по своему материальному положению выполнять посадское тягло. Они делились на оброчных, обложенных оброком и повинностями, и безоброчных, несших только повинности. Повинности бобылей в разных городах были различными, меняясь в зависимости от местных условий. В приволжских городах бобыли поочередно несли подводную повинность, работали гребцами на казенных стругах, косили сено, заготавливали дрова и т. д. Категория бобылей существовала во всех приволжских городах и была довольно многочисленна. Факты записи работных людей в число городских бобылей, как свидетельствуют их сказки, были явлением обычным, для этого достаточно было, чтобы человек прожил в городе несколько лет. Не обязательно было иметь даже двор. В таких условиях «пришлые» работные люди являлись основным источником пополнения категории городских бобылей.

Из 204 саратовских бобылей, дававших сведения о себе в 1721, 1723 и 1724 гг., 180 человек, т. е. 88,3%, были в прошлом «пришлыми» работными людьми. Среди них насчитывалось 46 крестьян, 15 посадских людей и 55 бобылей из других городов, 64 разночинца, главным образом отставные солдаты или солдатские, стрелецкие, казацкие дети⁶⁰. Упоминания о записи работных людей в число городских бобылей встречаются также в сказках жителей Симбирска, Красного Яра, Ядрина и других приволжских городов⁶¹.

По сказкам городских бобылей видно, что, войдя в состав этой категории населения, многие работные люди, так же как и входившие в посад, бросали работу по найму. Среди саратовских бобылей таких нашлось 72 человека, причем 56 из них занимались рыбной ловлей, 9 — торговлей, 27 — разными ремеслами, а один приобрел землю и «имел пашню». 93 бобыля заявили, что «торгов и промыслов не имеют», но точно указали род своей работы всего 9 человек. Из них 6 продолжало работать по найму на рыбных промыслах, один — сторожем, один нанялся к посадскому человеку и один занимался «всякой работой». Остальные, поскольку они не сообщили ни рода работы, ни у кого работают, что всегда указывали наемные работники, вероятно, работали на заказ⁶².

Запись в число бобылей производилась, так же как и запись в посад, по желанию отдельных лиц и по указам сверху⁶³. Добровольно становились бобылями главным образом лица, уже отошедшие от работы по найму, доходы которых, однако, не позволяли им претендовать на запись в посад, а также лица, желавшие избежать посадского тягла, более тяжелого, чем бобыльские повинности. Иногда среди бобылей встречались лица,

⁵⁹ ЛОИИ, ф. Астр. прик. палаты, карт. 100, д. 27, л. 1.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XVI, д. 914, лл. 1—34; ф. 350, д. 3054, лл. 1—538. Последняя книга была, по-видимому, использована без указания ее номера А. Герасимовым в статье «Саратовские бобыли по сказкам 1723—1724 гг.», УЗ Саратовского гос. ун-та, 1925, т. III, вып. 3.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 350, д. 5465, 2101, 4082 и др.

⁶² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XVI, д. 914, лл. 1—34; ф. 350, д. 3054, лл. 1—491.

⁶³ Многие саратовские бобыли говорили, что «велели им жить в Саратове в бобылях» коменданты Ф. Змиев, Н. Беклемишев, А. Новосельцев и др. (ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XVI, д. 914).

обладавшие капиталами, большими, чем у посадских людей, но таких было немного⁶⁴.

Известная часть рабочих людей, оседавших в городе, попадала в число приписных ремесленников или других состоявших на «государевой службе» лиц. В Поволжье в первой четверти XVIII в. было значительное количество казенных рыбных промыслов, садов, были будные и селитренные заводы, велось строительство судов. Для обслуживания этих предприятий к ним приписывались люди. В каждом крупном городе имелись приписные плотники, кузнецы, каменщики, кормщики, рыбные ловцы. Комплектовались они частично из лиц, переведенных из других городов, частично набирались на месте. В этом случае в их число попадали и «гулящие люди».

По сохранившимся ревизским сказкам астраханских приписных ремесленников и других состоящих на службе лиц, удалось выяснить, что 4 городских воротника, 12 рыбных ловцов, 6 резальщиков рыбных промыслов, 12 плотников, 2 каменщика, 17 кормщиков, садовник и артарщик, всего 55 человек, были в прошлом «пришлыми рабочими людьми». Из них жили и работали по найму в Астрахани, до записи в число приписных людей: 8 человек от 3 до 9 лет, 25 — от 10 до 19 лет, 7 — от 20 до 29 лет. Ранее 23 из них были крестьянами, 14 — посадскими людьми разных городов, 8 — городскими бобылями, шестеро — детьми солдат и стрельцов, двое — детьми рабочих людей⁶⁵.

При записи в приписные ремесленники местные власти с желанием рабочих людей не считались, и многие из них оказывались «на службе» против своей воли⁶⁶. Нежелание рабочих людей входить в число приписных лиц объяснялось тем, что обязанности их были разнообразны, а жалование низкое. В 1723—1724 гг. волжские кормщики, приписанные к астраханскому деловому двору, получали по 2 руб. 50 коп. и 6 четвертей хлеба в год, морские — по 7 руб. и 6 четвертей хлеба, каменщики и плотники — от 2 до 5 руб. в год и от 6 до 12 четвертей хлеба⁶⁷. Работавшие же по найму волжские кормщики зарабатывали до 20—25 руб. за сезон, а морские — от 25 до 35 руб. в год⁶⁸. Не менее 7—15 руб. зарабатывали и лица, работавшие по найму в ремесленных мастерских (см. табл. 4). Однако встречались и случаи добровольной записи в число приписных ремесленников, связанные большей частью со стремлением уже занимающихся ремеслом и промыслами лиц избежать записи в посад⁶⁹.

Включение рабочих людей в основные группы тяглого городского населения шло довольно медленно, но беспрерывно и неуклонно. Так как рабочие люди входили в состав тяглых городских сословий во всех городах и городках Поволжья, то общее количество лиц, отходивших от работы по найму, было весьма значительно. К этому следует добавить, что и в конце XVII и в начале XVIII в. за счет рабочих людей систематически осуществлялось пополнение местных стрелецких и солдатских гарнизонов, а также воинских частей регулярной армии, формировавшихся в низовых городах.

Но если часть рабочих людей бросала работу по найму, когда им удавалось перейти к другим видам занятий, то другая часть рабочих переставала работать по найму из-за того, что оказывалась в положении людей закабаленных. Последний путь был характерен для многих категорий низкооплачиваемых рабочих людей, заработок которых не обеспечивал существования их семей. Такие рабочие люди оказывались с течением времени опутанными тяжелыми долгами и, будучи не в силах расплатиться с ними, давали на себя заемные жилые записи. Случаев закабаления рабочих людей было в приволжских городах очень много. Даже в Астрахани, где заработки были высокими, они встречались постоянно. Так, черкашенин Прокофьев и угличанин Хмелев, отработав долги в 5 руб., каждый обязались жить в доме займодавцев по 5 лет и «всякая домашняя и отъезжая работы работать непрестанно, что повелят все делать». Д. Шохин работал за 10 руб., взятых взаймы еще его отцом. Пензенец С. Соколов вместе с женой

⁶⁴ Саратовские бобыли Елистратов и Колесников имели капиталы в 50 р., А. Крюков — 60 р., Я. Агапов — 100 р. (ЦГАДА, ф. 350, д. 3054, лл. 80, 96, 143—144, 223).

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 350, д. 5465, 5549.

⁶⁶ Там же, д. 5549, лл. 765, 774.

⁶⁷ Там же, лл. 470, 491, 561, 573, 629, 638—640, 645, 647, 757—758, 765—768, 774, 776, 825—826, 832—834.

⁶⁸ Н. А. Б а к л а н о в а. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых, стр. 213; ЦГАДА, ф. 615, д. 11127, л. 25об.—26; д. 11126, лл. 3об.—4; ф. 615, д. 529, л. 170об.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 350, д. 5549, лл. 406, 408, 411, 420, 443 и др.

ТАБЛИЦА 7

Условия отработки долгов в Казани в 1720 г.									
Сумма долга в руб.	Колич. случаев	М у ж ч и н а м и							Стоимость годичной работы 1 чел.
		сроки отработки (в годах)							
		1	2	3	4	5	10	17,5	
3	1	—	—	—	—	1	—	—	60 к.
4	1	1	—	—	—	—	—	—	4 р.
5	9	—	1	—	—	8	—	—	1 р.—1 р. 50 к.
5,5	2	—	—	—	—	2	—	—	1 р. 10 к.
6	2	—	—	1	—	1	—	—	1 р. 20—2 р.
6,7	1	—	—	—	—	1	—	—	1 р. 34 к.
7	1	—	—	—	—	1	—	—	1 р. 40 к.
7,5	1	—	—	—	—	1	—	—	1 р. 50 к.
8	3	—	1	1	1	—	—	—	2—4 р.
9	1	—	—	1	—	—	—	—	3 р.
10	8	—	1	—	—	7	—	—	2—5 р.
12	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	3	—	—	—	—	2	1	—	1 р. 50—3 р.
20	5	—	—	—	1	1	3	—	2—5 р.
25	1	—	—	—	—	1	—	—	5 р.
30	1	—	—	—	—	1	—	—	6 р.
35	1	—	—	—	—	—	—	1	2 р.
65	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	41								

Условия отработки долгов в Казани в 1720 г.						
Сумма долга в руб.	Колич. случаев	П а р н ы м и с е м ь я м и				Стоимость годичной работы 2 чел.
		Срок отработки (в годах)				
		1	3	5	10	
3	—	—	—	—	—	—
4	1	9 месяцев	—	—	—	3 р. 96 к. (44 к. в м-ц)
5	3	1	—	2	—	1—5 р.
5,5	—	—	—	—	—	—
6	1	—	1	—	—	2 р.
6,7	—	—	—	—	—	—
7	—	—	—	—	—	—
7,5	—	—	—	—	—	—
8	1	1	—	—	—	8 р.
9	1	—	—	1	—	1 р. 80 к.
10	5	—	1	4	—	2—3 р. 33 к.
12	2	—	1	1	—	2 р. 40 к.—4 р.
15	1	—	—	1	—	3 р.
20	1	—	—	1	—	4 р.
25	1	не указано		—	—	—
30	—	—	—	—	—	—
35	—	—	—	—	—	—
65	1	—	—	—	1	6 р. 50 к.
Всего	18					

отрабатывали долг в 30 руб., обязавшись жить в доме заимодавца 6 лет. Вдова Д. Болдырь отрабатывала вместе с детьми долг покойного мужа⁷⁰.

Насколько типичным явлением была работа за долги, показывают и материалы по Н.Новгороду. Там за долги работали у купца Я. Пушникова крестьяне В. Пелепенкин. И. Смирной, казанец И. Лебедев и др. Некоторые из них отрабатывали по несколько лет расходы по своей свадьбе. Были работники-должники у К. Калмыкова и др.⁷¹ Очень большое количество лиц, отрабатывавших долги, имелось в Чебоксарах и Казани.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 615, д. 525, л. 70об.; д. 528, л. 91об.; д. 529, лл. 15, 21, 136.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 289—289об., 291—292об., 293об.; Н. А. Бакланова, Указ. соч., стр. 171.

В. Димитриев, изучавший чебоксарские крепостные книги, сообщает, что среди лиц, работавших на местных предприятиях, первое место занимали дворовые люди, второе — должники и только третье — лица, получавшие наемную плату⁷².

В Казани лишь за январь—март 1720 г. в крепостной конторе были зафиксированы 74 жилые записи, по которым обязались отработать долги 113 человек, в том числе 69 мужчин, 25 женщин и 19 детей. Таким образом, в Казани на 339 работающих по найму мужчин приходилось 69 работников-должников, т. е. 16,9%. Если же считать всех работающих мужчин, женщин и детей, то на 383 человека приходилось 113 должников, т. е. 22,7%. Основную массу работников-должников составляли крестьяне. Так, из 69 мужчин крестьян было 53, в том числе 4 помещичьих, 14 монастырских, 6 дворцовых и 27 государственных. Принадлежность двух крестьян не указана⁷³. Данные казанских жилых записей за 1720 г. о сумме долга, сроках отработки и стоимости годичной работы должников позволяют составить следующую таблицу (см. табл. 7).

Из таблицы и вышеприведенных примеров видно, что год работы должника оценивался очень низко — в один—два рубля. В Казани выше этой суммы годичная оплата труда мужчин встретилась в 11 из 41 случая, а среди мужчин, дававших жилые записи на себя и жен, — только в одном из 18 случаев. Еще ниже оценивалась работа мужчин при закабалении целых семей, когда работа всех членов семей оценивалась в 2—5 руб. в год. Правда, помимо денежной оценки их труда, им предоставлялись хозяином одежда, пища и кров. Многие работники-должники, давая жилые записи, обязывались часть суммы отработать, а часть вернуть. Так, крестьянин с. Павлова Каранин, задолжавший 49 руб., обязался 12 руб. отработать вместе с женой в течение 5 лет, а остальные «по отживе заплатить». Крестьянин Н. Збоев также обязался отработать вместе с женой 5 руб. в течение 5 лет, а 30 руб. вернуть⁷⁴. Во всех таких случаях в жилую запись вносилось условие, что если «по отживе» денег у должника не окажется, то остаток долга ему «заживать» на таких же условиях. Вырваться из такой кабалы было очень трудно, и для большинства должников закабаленное состояние оставалось пожизненным. Характерно, что при переписи 1721—1722 гг. нижегородские купцы Пушников, Шадрин, Прядыльчиков и др. записывали своих должников «дворовыми людьми»⁷⁵. По-видимому они были уверены в том, что их работники-должники никогда не расплатятся со своими долгами.

Займодавцами чаще всего являлись те же лица, которые использовали наемный труд. Долги же складывались в процессе работы по найму, чему в значительной степени способствовали условия найма: низкая оплата труда, штрафы, необходимость платить неустойку, полная зависимость от произвола хозяина и т. д. Это наблюдение позволяет считать, что в первой четверти XVIII в. наем продолжал оставаться одним из средств закабаления людей.

* * *

Одинаковые судьбы большого числа работных людей свидетельствуют о том, что их переход от работы по найму к другим занятиям, менявшим их социальное лицо, так же как и закабаление работников, были для городов Поволжья в первой четверти XVIII в. типичным явлением. Это дает основание сделать вывод, что процесс образования постоянных кадров работных людей даже в районе Поволжья, экономика которого в основном базировалась на наемном труде, шел в это время еще очень медленно.

Ревизские сказки, по которым мы пытались проследить судьбы работных людей, обычно содержат сведения о них примерно с 1690-х гг. по 1720—1722 гг., т. е. в них рисуется их жизненный путь в то время, когда полного пересмотра и переучета населения в городах Поволжья не производилось. Многочисленные указы Петра I о беглых, несмотря на их суровость, фактически не имели в городах Поволжья широкого применения. Местные власти пользовались ими лишь в судебной практике, когда дела о беглых возбуждались их владельцами. Случаев массового возврата беглых в эти годы не было. Жизнь работных людей преследованиями местных властей не нарушалась и текла отно-

⁷² В. Д. Димитриев. История Чувашии XVIII в., стр. 244—245.

⁷³ ЦГАДА, ф. 615, д. 3530.

⁷⁴ Там же, лл. 26об., 29.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 350, д. 2102, лл. 289—293.

сительно ровно. Однако и в таких условиях, как мы видели, процесс складывания постоянных кадров рабочих людей не ускорялся.

Причины этого следует искать прежде всего в экономике того времени. Несмотря на несомненные сдвиги в области развития промышленности, основой ее в городе продолжало оставаться ремесленное и мелкотоварное производство, с типичными для него небольшими мастерскими, число наемных работников в которых редко превышало 3—5 человек. Мануфактуры, основанные на наемном труде, являлись для городов Поволжья еще новым явлением, и количество их было невелико. Основная масса наемных работников находила себе применение на промыслах и транспорте, но эта работа носила сезонный характер, и уже в силу этого там не складывалось прочных постоянных контингентов.

В конце первой четверти XVIII в. и без того медленно шедший процесс формирования постоянных кадров рабочих людей был, кроме того, сильно заторможен политикой правительства, осуществившего проведение I ревизии. Эта ревизия, целью которой был точный учет тяглого населения, вылилась в городах Поволжья в широкую кампанию по возврату беглых крестьян прежним владельцам. Она привела к массовой высылке рабочих людей из городов Поволжья, так как в городах оставались только лица, имевшие торги и промыслы, которые включались в местные посады. Чтобы показать размах кампании по возврату беглых, достаточно сказать, что по отдельным, далеко не полным ведомостям 1723—1724 гг. высылке подлежали из Казани 255 человек, из Саратова — 186, Сызрани — 176, Ядрина — 160, Симбирска — 128, Астрахани — 118, Цивильска — 111, Чебоксар — 90, Козьмодемьянска — 40, Красного Яра — 30, Дмитриевска — 16, Василя — 14, Свяжска — 4, т. е. 1328 человек. К этому можно добавить, что в одну только Арзамасскую провинцию из городов Казанской и Астраханской губерний был возвращен 971 человек. Из Н.-Новгорода в 1722—1723 гг. было выслано дворцовых крестьян одного только Юрьево-Поволжского уезда 63 человека⁷⁶. Эти цифры отрывочны и неполны, но и они достаточно показательны. Можно полагать, что в общей сложности из городов Поволжья в годы проведения I ревизии было выслано несколько тысяч человек. Работные люди, подлежащие высылке из городов, в большинстве случаев принадлежали к числу «гулящих людей». I ревизия задела, следовательно, как раз тех рабочих людей, для которых работа по найму была основным источником существования и которые составляли наиболее постоянные кадры наемных работников.

О результате массовой высылки рабочих людей из городов Поволжья ярко свидетельствует история астраханских рыбных промыслов. Занимаясь ею, Н. Пальмов выяснил, что до 1726 г. число водных угодий в низовьях Волги, эксплуатирующихся рыбопромышленниками, непрерывно возрастало и все участки активно обрабатывались. С 1727 г., т. е. с года окончания I ревизии, развитие промыслов пошло на убыль. В 1727 г. перестало работать 13, в 1728 г. — 18, в 1729—1730 гг. — 20 из 42 промыслов. Перестали функционировать и когда-то доходные учуги — Бирюльский, Урустобский и Басаргинский⁷⁷. Приводя эти данные, Н. Пальмов пишет, что причина «катастрофического падения рыбной промышленности ему не известна», и склонен объяснить его ленью и нераспорядительностью местных властей⁷⁸. Но дело, конечно, было не в этом. Причиной падения рыбных промыслов явилось резкое сокращение числа рабочих людей в Поволжье после проведения I ревизии. Это доказывается и известным Н. Пальмову расследованием, проведенным в 1742 г. В. Н. Татищевым, который был тогда астраханским губернатором. Убедившись, что промыслы дают лишь 50% былых доходов, он опросил о причинах этого рыбопромышленников и получил ответ, что они не могут освоить промыслы из-за отсутствия рабочих рук⁷⁹.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. в Поволжье, с одной стороны, складывались условия, способствующие росту применения наемного труда, а значит, развитию новых производственных отношений, в основе которых лежал договор найма. Темпы развития промыслов, транспорта и городской промышленности в Поволжье были для

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 350, д. 2162, лл. 258, 266—284, 396, 423, 425—434, 491—524, 569—577об., 592—611об.; д. 4885, лл. 1—325.

⁷⁷ Н. Пальмов. К истории рыбной промышленности в Астраханском крае в I половине XVIII в. «Наш край», 1924, № 4, стр. 116, 118, 130.

⁷⁸ Там же, стр. 132.

⁷⁹ Там же, стр. 123.

того времени высокими. С другой стороны, продолжали действовать факторы, мешавшие укреплению новых явлений. Главным из них оставалось господство крепостнических отношений, которые определяли и политику правительства и особенности жизненного пути работных людей. И если в условиях развития товарно-денежных отношений и роста феодально-крепостнического гнета все больше людей искало выхода и пыталось найти его в бегстве или отходе, то одновременно в первой четверти XVIII в. шел и обратный процесс втягивания все более и более широких кругов населения в сферу крепостнических отношений, и наемные работники, экономическое и правовое положение которых было неустойчивым, не могли остаться вне этого процесса. А поэтому многие представители трудящегося населения проделывали в течение своей жизни своеобразный круг: зависимое положение — бегство или отход и работа по найму — вновь зависимое положение. Возврату людей в тяглое состояние способствовала и социальная политика, осуществлявшаяся правительством Петра I, основная линия которой состояла в проведении мер, закрепляющих власть помещиков над крестьянами. Введение подушной подати, строгий учет тяглецов, учреждение паспортов затрудняли уход из деревни, а следовательно, приток работных людей в город. Весьма усложнило жизнь «в бегах» и уничтожение промежуточных социальных групп, в числе которых оказались «гулящие люди». Развитие новых отношений наталкивалось, таким образом, на прямое противодействие феодального государства. В таких условиях формирование постоянных кадров работных людей могло идти только очень медленно.

История работных людей Поволжья свидетельствует о том, что в первой четверти XVIII в. несомненно имело место расширение сферы применения наемного труда, повысилась его роль в процессе производства, выросло количество наемных работников за счет притока крестьян в город. Но в то же время процесс образования рабочего класса, как особого класса непосредственных производителей, полностью оторванных от средств производства, находился еще в зачаточном состоянии.

В. И. Ленин, в своем исследовании «Развитие капитализма в России», касаясь мелкотоварного производства, отмечал, что капиталистические отношения могут образоваться в мелких промыслах, в виде мастерских с наемными работниками, но развиваются они в таких условиях еще слабо⁸⁰. Это высказывание В. И. Ленина относится к мелкотоварному производству более позднего времени, — тем более оно справедливо в отношении мелкотоварного производства более раннего времени, когда предприятия, в которых применялся наемный труд, еще были новым, только зарождавшимся явлением в жизни города. К тому же господство крепостничества оказывало огромное влияние и на условия найма и на судьбы работных людей, снова и снова вынуждая их возвращаться в состав тяглых сословий. В этом состояла особенность истории развития наемного труда в первой четверти XVIII в.

⁸⁰ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 544.